

ИСЛАМОФОБИЯ

АКТУАЛЬНЫЙ
ФИЛОСОФСКИЙ
ДИСКУРС

Актуальный философский дискурс

Коллектив авторов

Исламофобия

«Садра»

2016

УДК 28:316.6
ББК 86.38 + 86.21

Коллектив авторов

Исламофобия / Коллектив авторов — «Садра»,
2016 — (Актуальный философский дискурс)

ISBN 978-5-906859-15-0

В предлагаемом вниманию читателя сборнике статей рассматривается явление, чрезвычайно актуальное для современной общественной жизни, — исламофобия. Авторы предпринимают попытку выявить истоки этого явления, дать ему классификацию и найти пути борьбы с ненавистью к «чужим». Адресуется широкому кругу читателей.

УДК 28:316.6
ББК 86.38 + 86.21

ISBN 978-5-906859-15-0

© Коллектив авторов, 2016
© Садра, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть I	10
‘Абдаллах Насири Тахири	10
Крестовые походы и исламофобия	11
Священная война	13
Тысячелетнее Царство, или Конец света	15
Столкновение цивилизаций	16
‘Али Муршидизад, Захид Гаффари Хашджин	19
Определения и представления	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Коллектив авторов

Исламофобия

© Фонд исследований исламской культуры, 2016

© ООО «Садра», 2016

Предисловие

Фобия многолика, однако существенным в ней является психологическая узость и тривиальный менталитет. Несмотря на то, что фобия имеет разные источники и цели, она всегда приводит к ослаблению рационального и критического видения, к усилению инстинктивных начал и остатков животного состояния или к тому, что классические мусульманские философы называли гневной душой.

Фобия – это обратная сторона любви либо ее противоположность. Все вещи, доведенные до уровня прекрасного и истинного, то есть до уровня живого воплощения идеальных пропорций, вызывают симпатию и любовь, как, например, великие творения музыки и живописи. Следовательно, мы можем прийти к выводу о том, что фобия есть результат отсутствия гармонии в сущем и сознании. Однако эта абстрактная истина недостаточна для решения проблем таких фобий, как религиозные, культурные и национальные.

Возникновение, расширение, углубление и активизация психологии и ментальности подобных фобий есть не что иное, как отражение остатков «первой природы» (инстинкты). Ксенофобия и нацфобия есть более широкая форма племенной фобии, а племенная есть более широкая форма первобытной дикой фобии как естественной формы выживания и противостояния опасности. Следовательно, возникновение различных форм фобии у «развитых и цивилизованных» наций представляет собой тонкий индекса́тор, указывающий на действенность этнического начала в «национальном духе» и активность «первой природы» в «национальном теле». Подобные нации и народы еще не преодолели в себе окончательно остатки первобытного духа и тела и, соответственно, не поднялись до уровня истинного человеческого бытия. Это связано с тем, что преодоление подобных остатков возможно лишь при действительном поднятии людей (индивидуумы, общности, народы и нации) до уровня культурно-правового духа. Такого состояния можно достичь только на всемирном уровне, когда культурные парадигмы всех или основных народов и наций достигают уровня правового знания и действия в критериях рационализма и гуманизма. В противном случае фобия остается одной из основных идеологических, политических и культурных «ценностей» в жизни народов и государств.

В истории государств и народов и их противостоянии возникали различные формы ненависти и боязни, разные формы фобий: обыденные, пропагандистские, идеологические и другие. Фобия приобретала в более «совершенном» виде такие формы, как национальная, расовая, религиозная и культурная.

Сейчас мы стоим перед одной из самых крупных форм религиофобии, в которой ислам и его последователи превратились в объект, средство и цель организованных атак. Современная исламофобия достигает своей вершины, когда она воплощает в себе религию, мировоззрение, последователей, историю, культуру и будущее. Центром этой исламофобии становится «запад» (Европа), хотя мир ислама находится в центре геокультурного пространства основных мировых религий и культур. Это единственный мир, который находится в непосредственном соприкосновении с мирами христианства, буддизма и индуизма. Это объясняет частично «общую враждебность» к нему со стороны остальных, исходя из того факта, что соседство всегда представляет собой также подвижную границу разногласий, противоборства и враждебности. Вместе с тем мы наблюдаем факт «привилегии» европейского и американского (как продолжение Европы) сознания в активизации исламофобии на протяжении многих веков.

Нет ни одного более крупного культурного опыта в истории человечества, который содержал бы, создавал и обосновывал различные формы и типы фобии, чем «западный» (европейский). Это отчетливо видно и на примере современного опыта, ибо в нем мы находим теоретическое обоснование и практическое применение наиболее агрессивных форм фобий, таких,

как нацизм, фашизм, апартеид и расизм. То есть всего того, что проникало в поры индивидуального, группового и национального сознания и психологии.

Имеются две фундаментальные причины данного феномена. Первая связана с тем, что Европа в целом больше, чем кто либо, прошла этапы историко-культурного развития, а вторая связана с тем, что ее теоретический и практический разум не смог одолеть твердое этническое ядро индивидуального и массового сознания.

С исторической точки зрения фобия превратилась в часть «духовного мировоззрения» Европы в связи с принятием христианства. Этот феномен связан в свою очередь с тем, каким образом переходило европейское культурное сознание к тому, что я называю культурно-религиозным этапом в развитии народов и нации. До принятия христианства религиозная и нацифобия не была ни мировоззрением, ни идеологией. Отсутствовало какое-либо ее «философское» обоснование. Скорее наоборот. Греческим и римским опытам теоретического и практического разума была чужда идея национальной и религиозной фобии. Хотя эти опыты, по существу, не имеют никакого отношения к современной европейской идее, по крайней мере, до принятия и господства христианства на континенте.

Острое противоречие и явный парадокс, лежащие в основе расширения разных форм фобий, с принятием христианства состоят в том, что субстанциональным принципом христианской религии является любовь, т. е. тотальная противоположность фобии. Суть данного противоречия заключается в двух аспектах: первый состоит во вхождении «Ветхого завета», содержащего немало «ценностей» всевозможных фобий, в состав «Священного писания»; второй – в том, что христианство не было результатом и творением духовного и религиозного опыта «европейского запада». Первоначальное христианство было «восточным» (точнее, южным или средиземноморским) с точки зрения происхождения, языка, мировоззрения, традиции теоретического обоснования (патристика).

С принятием христианства в качестве идеологического, политического и мировоззренческого средства в руках разлагающейся Римской империи начался историко-культурный переход от этнокультурного этапа к культурно-религиозному. А последний есть самый драматический этап в истории развития культурного сознания и наиболее динамичный и строгий в своем стремлении к утверждению идеи единого и единения и отрицания любого проявления множественности и многообразия.

Отрицание любого проявления иного, нежели «христианского», путем обвинения в ереси либо физического уничтожения было выполнено церковью с горячим рвением. Этот религиозный и идеологический экстремизм во многом был результатом плоского восприятия первоначальной христианской идеи, которая превратилась в орудие подчинения разума – вере, философии – теологии, человека – догмам и всех – церкви. Дело в том, что христианство было «экспортным продуктом», а не результатом внутреннего имманентного переживания и творчества «европейского духа». Более того, всё греческое и римское было объявлено языческим, ненужным и противным.

Вместе с тем христианство сыграло субстанциональную роль в строительстве европейского бытия и европейской идентичности путем его превращения в единственное сверхмировоззрение, которое определило характер разума, совести, морали и ценностей, тем самым определив методы и исход анализа и оценки любого явления. Однако эта тенденция развития не лишена позитивного смысла, ибо она способствовала объединению общекультурного европейского сознания и общности забот. Но история полна неожиданностей, одна из которых в данном случае была связана с возникновением ислама, который в определенном смысле изменил судьбу христианства и его геокультурное значение и распространение.

Ислам представлял собой новую силу, способную противостоять любому вызову в критериях физической силы, морального духа и мировоззренческого спора. Дело в том, что иудаизм превратился в угнетенную религию, в то время как ислам, возникший в культурном про-

странстве самого христианства и иудаизма, представлял себя как их продолжение и отрицание. Ислам пытался демонстрировать последовательное единобожие, соответственно, и последовательное объединение людей, общин и народов на основании новых принципов. Он опирался в этих своих устремлениях на единство собственного мировоззрения и собственного свободного народа, а его восход устремлен к созданию монолитного единства общины и государства. Все это придало ему вид религии действенного усердия и свободной воли, освященной «божественным предопределением». Неслучайно поэтому столь быстрое его распространение и господство, которое простиралось в течение нескольких десятилетий на трех континентах. А первым местом его распространения была как раз «священная земля» первоначального христианства. Все это заложило невидимый фундамент страха и ненависти к исламу, которые накопились в течение долгого времени физического, а не интеллектуального противостояния.

Если отбросим все детали противоборства первых четырех веков после возникновения ислама, которые привели к утверждению новой религии в качестве мировой, в том числе и за счет «христианских земель», то общий результат накопления психологии и ментальности враждебности, ненависти и возмездия проявил себя отчетливо в призыве к «священной войне» против «сарацинов». Классическим воплощением такого призыва является идеологическая и военная подготовка к «крестовым походам». Последние есть первое проявление «мировых» религиозных войн. В процессе этих войн формировалось типичное для «христианского запада» большое количество шаблонных оценок и всевозможных стереотипов, таких как: ислам есть религия силы и принуждения, тела и наслаждения, похоти и желания и т. п. Все эти шаблоны и стереотипы отражают прежде всего европейское видение и европейский опыт, т. е. субъективные оценки определенного историко-культурного опыта, которые не имеют никакого отношения к научному поиску и истине.

Неслучаен поэтому тот факт, что подобные шаблоны и стереотипы всплывают наверх при каждом столкновении Европы с исламским миром. Мы находим нечто подобное даже в наиболее развитых с точки зрения разума и рационализма творениях европейского сознания, как, например, у Данте, Вольтера и Гегеля, т. е. на всех крупных этапах развития европейского теоретического сознания.

Девятнадцатый, двадцатый и начало двадцать первого века не являются исключением. В европейском сознании укоренилась та же исламофобия, которая сопровождала психологию и ментальность колониализма и европоцентризма.

Дихотомия Восток-Запад, характерная для эпохи колониализма, в дальнейшем превращается в дихотомию ислам-Запад. Подобное явление было также связано с системным проникновением психологии и ментальности европоцентризма во все формы общественного сознания. Европоцентризм есть естественное явление, сопровождающее имманентное развитие Европы, отражающее мировоззренческий переход от политико-религиозного этапа к политико-экономическому этапу развития. В этом смысле исламофобия становится частью методологических баталий и колониальных интересов. Однако она (исламофобия) приобрела иной характер в процессе формирования современного исламоцентризма. Теперь противоборство этих культурно-политических центризмов становится неизбежным, пока каждый из них не достигнет внутренней полной интеграции в виде окончательного перехода к политико-экономическому этапу собственного развития.

Таким образом, нынешняя форма и масштабы исламофобии на Западе есть одно из проявлений естественного противоборства и соперничества вследствие отличия культурных опытов, экономических и геополитических интересов. Следовательно, подобное соперничество и противоборство не стихнет, пока исламский мир не достигнет собственной интеграции в критериях собственного опыта. В одинаковой степени это относится ко всем крупным историко-культурным системам, сложившимся на протяжении тысячелетия во многих регионах мира.

М.М. Аль-Джанаби

Часть I

Исторические, культурные и политические корни исламофобии

‘Абдаллах Насири Тахири

Исторические корни и причины западной исламофобии (Ситуационный анализ Крестовых походов)

Сегодня исламофобия – одно из главных стратегических опасений западного христианского мира. Эта стратегия – не результат какой-то определенной доктрины. Она устанавливалась и формировалась в течение длительного времени. Такие теории, как «Несовместимость цивилизаций», выдвинутая известным французским социологом Раймоном Ароном, «Столкновение культур» именитого исламоведа и востоковеда Бернарда Льюиса или самая знаменитая из них, «Столкновение цивилизаций» Самуэля Хантингтона, оказали серьезное влияние на формирование исламофобии. Но «инаковость» мусульман с точки зрения христиан и чувство превосходства последних над первыми, которые берут начало в учениях Церкви и являются главными факторами западной исламофобии, имеют историческое происхождение.

Согласно этой исторически сложившейся мысли, «Коран и Мухаммад являются врагами свободы и цивилизации», а «ислам – такая религия, которая не может развиваться, так как очень безнравственна, антинаучна и деспотична»¹. Кроме того, созданная в этот период литература, например, «Песнь о Роланде», описывает мусульман как идолопоклонников² и гласит, что «согласно исламской мысли, необходимо воевать с немусульманами до тех пор, пока рабство перед Аллахом не будет признано и принято во всем мире»³. И даже самая резонансная теория «Столкновения цивилизаций» есть итог этого исторического процесса. И, как сказала Ширин Хантер, этого столкновения можно избежать только в случае секуляризации исламского сообщества⁴. До тех пор, пока это исторически сложившееся мнение не будет пересмотрено и подвержено детальному анализу, невозможно институализировать исторически гарантированное сосуществование и диалог цивилизаций между двумя обширными обществами. «Необходимое условие диалога цивилизаций – это изучение причин и факторов спора»⁵.

До тех пор, пока это изучение, главным предметом которого являются Крестовые походы, не будет проведено должным образом, диалог будет частичным и фрагментарным. Даже если, исходя из теории Канта, обе стороны представят свои отношения основанными на дружбе и товариществе⁶, или их решение будет принято согласно теориям Хоббеса и Лока, которые,

¹ Закзук, Мухаммад Хамди. Ислам ва гарб [Ислам и Запад] (пер. на перс. яз. Худжат Аллаха Джудаки). Тегеран. Институт гуманитарных наук и культурных исследований. 1387 г.с.х. С. 20.

² Там же, С. 146.

³ Майер, Ханс Эберхард. Джангхаи салиби [Крестовые походы] (пер. на перс. яз. ‘Абд ал-Хусайна Шахкара). Шираз. Ширазский университет. 1371 г.с.х. С. 340.

⁴ Хантер, Ширин. Айандаи ислам ва гарб [Будущее ислама и Запада] (пер. на перс. яз. Хамайуна Маджида). Тегеран. «Фурузани руз». 1380 г.с.х. С. 26 и 51.

⁵ Хатами, Мухаммад. Мабании назари гуфтугуйи тамаддунха [Теоретические основы диалога цивилизаций]. Тегеран. «Савганд». 1380 г.с.х. С. 24 и 46.

⁶ Ханики, Хади. «Гуфтугуйи тамаддунха: заминаха ва чашмандози пайдаиши йак назарийа» [Диалог цивилизаций: основания и перспектива возникновения определенной теории]. Гуфтугуйи тамаддунха: мабании мафхуми ва назари [Диалог цивилизаций: смысловые и теоретические основы] (под редакцией Бахрама Мустакими). Тегеран. Тегеранский университет. 1384 г.с.х. С. 174.

несмотря на свои различия, приводят к одинаковому результату. Первый был убежден, что народы, будучи врагами, поддерживают международные отношения ввиду своих интересов, а второй, подчеркивая необходимость принятия во внимание мировых уставов, утверждал конкуренцию народов и цивилизаций⁷.

Христиане и западный мир познакомились с исламом через Византию, Сицилию и Андалусию, но двухсотлетние войны, известные как Крестовые походы, внесли наибольший вклад в формирование исторически неправильного менталитета христиан. И если даже мы не с теми, кто считает, что «Крестовые походы в любом случае явились основой враждебных отношений, которые сегодня чувствуются между христианским и мусульманским мирами», мы, бесспорно, признаем, что эти войны были самым ярким проявлением скрытой до того враждебности к мусульманам⁸. Настоящая статья призвана проанализировать роль и место Крестовых походов, которые явились одним из фундаментальных факторов исламофобии на Западе.

Крестовые походы и исламофобия

Немногие христианские историки и мыслители признают Крестовые походы трагедией, вызванной неразумностью христиан; трагедией, вызвавшей длительную вражду между Востоком и Западом⁹. Некоторые из них считают эти события величайшей мировой бедой, самым болезненным ударом по цивилизации и главной причиной ненависти между Востоком и Западом¹⁰.

Крестовые походы, которые были предприняты ради «осуществления мечты» (Морис Бишоп), до недавних пор считались важнейшим событием Средних веков, фактором развития городов и установления стабильной политической системы на Западе. Лишь в последние годы некоторые рассматривают их как очень затратные и пагубные события, которые привели к ухудшению отношений между Западом и мусульманами. Основное мнение на Западе в большей степени основано на идеологических мотивах Крестовых походов. На тех основах и принципах, которые в целом считают исторические суждения такими же, как суждения элементарной математики, и, обращаясь к историческим фактам, объясняют непреложные рациональные истины конкретной религии¹¹.

С другой стороны, исторически сложившееся мнение о том, что каждый, кто не является римлянином (греком или христианином), – это варвар, нецивилизованный и дикий человек и что они, по выражению Пруденция, поэта IV века, отличаются меж собой как человек и животное¹², привело к тому, что христиане стали считать себя избранной общиной, которая призвана исполнить Божью волю на земле¹³. Это ощущение собственной уникальности они унаследовали от иудеев¹⁴. Такое мнение сформировало даже особый взгляд на географию. Так, исходя из библейской книги «Исход», еврейский мыслитель I века Иосиф Флавий разделил мир на три

⁷ Там же... С. 173

⁸ *Ас'ади, Муртаза*. Мутали'ати ислами дар гарби инглисиза-бан: аз агаз та шураи дувуми Ватикан [Исламские исследования в англоязычном Западе: с самого начала до Второго Ватиканского собора]. Тегеран. «Самт». 1381 г.с.х. / 1965 г. С. 19.

⁹ Например, Стивен Рансимен, автор книги «История Крестовых походов» (Т. 3. С. 566.1384 г.с.х.).

¹⁰ *Стьюарт, Лотрон*. 'Алами нави ислам йа имрузи муслимин [Новый исламский мир, сегодняшний день мусульман] (пер. на перс. яз. Ахмада Мухаззаба). Тегеран. «Таб'и китаб» 1320 г.с.х. С. 33.

¹¹ *Браун, Колин*. Фалфаса ва имани масихи [Философия и христианская вера] (пер. на перс. яз. Татавуса Микаилияна). Тегеран. «Интишарати 'илми ва фарханги» 1375 г.с.х. С. 86–87.

¹² *Jones, W.R.*; «The image of the Barbarian in Medieval Europe»; *Comparative Studies in Society and History* (1971), vol. 13. p. 382..

¹³ *Касим 'Абдух Касим*. Байна ал-адаб ва ат-тарих [Между литературой и историей]. Каир. Институт гуманитарных и социологических исследований. 1824 г.л.х. С. 47.

¹⁴ *Нардо, Дон*. Пайдаиши масихийат [Возникновение христианства] (пер. на перс. яз. Махди Хакикатхаха). Тегеран. «Как-нус». 1384 г.с.х. С. 19.

части. Согласно Флавию, Европа принадлежала Иафету, сыну Ноя, и его потомкам, Африка – Хаму и его потомкам, а Азия – Симу и его потомкам. Затем в IV–V веках Августин и Иероним поддержали это предположение, и вследствие этого Палестина оказалась в центре земель потомков Сима и стала важнейшим географическим регионом земного шара. По выражению Эгрии, она стала местом встречи христиан¹⁵.

После Первого Никейского собора, состоявшегося в 325 г., византийский император, исходя из таких суждений, приказал построить в Палестине церковь и христианизировать восточную часть империи, в частности Палестину, а его советник Евсевий, который был епископом Кесарии, стал побуждать христиан к паломничеству в Палестину в своей книге «Ономастикой». Таким образом, Палестина стала считаться местом второго пришествия Иисуса Христа и Святой землей. На карте Беата Лиебанского, составленного в VIII веке, Палестина изображена в большем размере, чем остальные части света¹⁶.

В такой ситуации было вполне естественно, что Палестина как Святая земля приобрела большое значение в христианском мире, а ее извлечение из мусульманского мира стало восприниматься как религиозная обязанность. Именно поэтому Крестовые походы надо считать чем-то большим, чем просто защита своих единоверцев, т. е. восточных христиан, как это полагал Клод Казн¹⁷.

Даже беглый взгляд на речь Урбана II на Клермонском соборе, где он собрал правителей, дворян и рыцарей, чтобы создать вооруженное движение и направить его к восточным берегам Средиземного моря, укрепляет нас в мысли, что политические, экономические и социальные условия на Западе явились важным фактором Крестовых походов. Но все же главной причиной была религиозная убежденность. Благодаря этой убежденности он смог сформировать такое движение, и она же после этих войн явилась поворотным моментом в формировании исторического отношения христиан к мусульманам. В той речи он сказал: «Иерусалим, который был предметом гордости и источником изобилия, теперь находится в руках мусульман, которые не оставили в нем иных следов, кроме следов своей религии. Азия, которая была полна богатств и благ, утратила ныне свои богатства и свое бытие из-за преступлений и несправедливостей мусульман и впала в бедность и горе. Антокия и Финикия оказались под властью мусульман, а турки дошли уже до ворот Константинополя и вскоре завладеют всеми странами Европы.

Дражайшие храбрецы! Настало время для того, чтобы вы вонзали в своих врагов те мечи, которые вы до сих пор вонзали в грудь друг друга и применяли против своих братьев из-за простейших обид. Настало время для того, чтобы вы положили конец тому святотатству, которое проявляется в отношении Гроба Господнего. Эта священная война, на которую вы сегодня отправляетесь, призвана не только освободить Иерусалим, но поставить вас над всеми богатыми землями Азии и их бесчисленными переполненными кладами. Сегодня вы должны отправиться в Иерусалим и, освободив его от захватчиков, сделаться его наследниками. Ибо, как сказано в Библии, Иерусалим и Левант – это земли, где течет молоко и мед.

Дражайшие храбрецы! Этими мечами, с которыми вы вступаете в священную войну, вы завоюете сокровища небес. Если вы одержите победу в этой войне, то все страны Востока будут

¹⁵ *Кул, Пииш*. ас-Сира' ал-ислами ал-фаранджи 'ала Филистин фи ал-курун ал-вуста: Филистин фи китабат ал-'алам ал-гарби ал-латини фи ал-карнайн ас-сани 'ашара ва ас-салис 'ашара лил-милад [Мусульманско-иностранный противостояние в Палестине в средние века: Палестина в сочинениях латинского западного мира в двенадцатом и тринадцатом веках от рождения Христова] (под научным руководством Хадии Даджани и Бурхана Джахаи). Бейрут. Институт исследований о Палестине. 1994 г. С. 108–119.

¹⁶ Там же. С. 10–11. Спустя пару столетий после Крестовых походов Ричард из Холдингема составил в 1285 году свою карту, где изобразил Палестину и Иерусалим в центре мира. В таком положении они изображены и на Херефордской карте мира.

¹⁷ *Майер, Ханс Эберхард*. Джангхан салиби [Крестовые походы] (пер. на перс. яз. 'Абд ал-Хусайна Шахкара). Шираз. Ширазский университет. 1371 г.с.х. С. 481.

принадлежать вам. Если же вы будете убиты, то удостоитесь великой чести, то есть падете мучениками там, где Иисус испил чашу мученической смерти»¹⁸.

Как известно, Библия описывает Иерусалим как «землю, где течет молоко и мед»¹⁹. Так говорит и Иисус в Евангелиях от Луки и от Иоанна²⁰.

Священная война

Некоторые современные исследователи, так же как и некоторые древние историки, считают, что предшествовавшие Крестовым походам события, как, например, поражение византийцев от сельджуков в битве при Манцикерте, явились главным фактором Крестовых походов²¹. Рене Груссе²² также считает, что слабость христианских правителей Восточного Рима и «отсутствие христианского патриотизма» стали причиной поражения в битве при Манцикерте²³, и потому западные христиане снарядили войска, чтобы отомстить за них. Некоторые также считают, что Крестовые походы были отмщением мусульманам за их захват Иберийского полуострова²⁴. Но как написал Максим Родинсон: «Крестовые походы – это пример политических действий, совершенных по религиозным мотивам. Нет никакого сомнения в том, что, по мнению многих людей, по крайней мере самих крестоносцев, силой, побудившей их к этому, было желание покориться воле Господа»²⁵.

Историк Джон Ла Монте также считает, что в XII–XIII вв., в эпоху Крестовых походов и священных войн, религия играла ту же роль, что политическая идеология сегодня. За небольшим исключением, не было ни одного мусульманина или христианина, который не использовал бы религию как прикрытие для своих политических и нерелигиозных целей. Но люди сражались под знаменем веры и зачастую ради этого знамени шли на смерть.

Религиозный фанатизм в эпоху Крестовых походов был важным и ценным стимулом, но очень редко он выступал главным и основным фактором²⁶.

Взгляды восточной и западной частей христианского мира на вооруженные войны различались. Восточные христиане считали войну массовым убийством. Василий Великий, один из основателей православной церкви, был убежден в том, что если христианский солдат погибает на поле брани, то он не считается мучеником; им считается тот, кто умирает с оружием веры²⁷. Даже Алексей I Комнин, который являлся эталоном мужчин Византии и питал большую склонность к боям и сражениям, воспринимал войну как позорное деяние и считал ее

¹⁸ *Насири Тахири*, 'Абд Аллах. Накши исма'илийан дар джангхаи салиби [Роль исмаилитов в Крестовых походах]. Тегеран. «Какнус». 1387 г.с.х. Насири. С. 105–106.

¹⁹ *Кул, Пини*. ас-Сира' ал-ислами ал-фаранджи 'ала Филистин фи ал-курун ал-вуста., 1994 г. С. 102.

²⁰ Там же. С. 104..

²¹ *Сурри, Вильям*. Тарих ал-хуруб ас-салибийя: ал-а'мал ал-минджаза фима вара'а ал-бихар [История Крестовых походов: деяния, совершенные за морями] (пер. на араб. яз. Сухайла Заккара). Дамаск. «Дар ал-фикр». 1410 г.л.х. Т. 1. С. 29.

²² Рене Груссе (1885–1952) – французский ориенталист и историк искусства. Он был крупнейшим французским ориенталистом своего времени и человеком громадной эрудиции. В послевоенные годы написал две историко-философские работы: «Итог Истории» и «Носовые фигуры», посвященные размышлениям об эволюции человеческого общества, становлении философии и месте человека в истории. Научное творчество Груссе оценивается современными исследователями неоднозначно.

²³ Битва при Манцикерте – сражение, произошедшее 25 августа 1071 г. на территории Византии, близ города Манцикерт, между туркам и-сельджукам и Византийской империей. Турки-сельджуки под предводительством султана Алп-Арслана нанесли поражение византийцам и взяли в плен византийского императора Романа IV Диогена, который выкупил свою жизнь лишь за счет части своих земель. Победа турок ускорила установление господства сельджуков в Малой Азии. Битва при Манцикерте – решающее сражение византийцев с сельджуками.

²⁴ Подробнее см.: *Насири*. Накши исма'илийан дар джангхаи салиби, С. 103.

²⁵ *Родинсон М*. Ислам ва сармайдари [Ислам и капитализм] (пер. на перс. яз. Мухсина Суласи). Тегеран. «Китабхайи джаби». 1385 г.с.х. С. 258.

²⁶ *La Monte, John*. Crusade and jihad in the Arab Heritage; U.S.A: Princeton, 1994. С. 165–166.

²⁷ *Правер, Джошуа*. Алам ас-салибийин [Мир крестоносцев] (пер. на араб. яз. Касима 'Абдуха и Хасана Халифы). Каир. 1982 г. С. 9.

допустимой только в том случае, если иного выбора не оставалось. Но и тогда он признавал ее неким поражением²⁸.

Некоторые западные христиане относились к войне так же, как восточные²⁹. Но все же большинство придерживалось иного мнения. На Западе война на пути Церкви считалась дозволенной, а те, кто погибал на ней, признавались мучениками³⁰. После того, как войны между мусульманами и христианами за Андалусию стали набирать обороты, идея о «священной войне» стала укрепляться в Западной Европе и католической церкви³¹. Постепенно формировалась идея о дозволенности войны за веру против тех, кто овладел землями, населенными преимущественно христианами. Мотивом к пересмотру евангельских учений³² стала идея Августина Блаженного о справедливой войне, т. е. о войне, которая ведется ради защиты христианства и отвоевания земель, исторически принадлежавших христианам.

Так как католическая церковь, убежденная в своей стержневой роли и считавшая себя матерью всех верующих³³, не верила во «спасение вне Церкви» и ставила принадлежность человека к христианской церкви выше его принадлежности к человеческому роду³⁴, она считала предложенную войну священной, а тот, кто не брал крест и не шел за Иисусом, считался недостойным Христа³⁵. Именно поэтому Крестовые походы, по словам Джона Ла Монте, сформировались под знаменем Церкви и были абсолютно религиозными³⁶. И так как крестоносцы верили в счастье после смерти и освобождение от грехов, они решили «потренироваться в умирании», как говорил Платон³⁷.

Слияние трех идей, а именно «войны на пути Господнем», «паломничества ради смыwania грехов» и «Тысячелетнего Царства, или Конца света», стало хорошим поводом для того, чтобы западные христиане взяли за оружие, надели кресты и отправились к Святой земле. Первые века паломничества к Палестине не вызывало большого энтузиазма, но после того, как Елена Равноапостольная, мать римского императора Константина I Великого, возвела в Иерусалиме храм Воскресения Христова, толпы пилигримов потянулись к Святой земле. По убеждению Рансимена, этот развивающийся процесс вышел на новый уровень, когда Италия и Южная Франция освободились от подчинения мусульманам, а условия паломничества стали понемногу улучшаться³⁸. После этого посещение Вифлеема, места рождения и вознесения Иисуса, стало воодушевлять христиан на духовное путешествие³⁹. До Крестовых походов даже сам Урбан II, их главный вдохновитель, побуждал западных христиан расходовать свои сред-

²⁸ Рансимен, Стивен. Тарихи чангхаи салиби [История Крестовых походов] (пер. на перс. яз. Мнаучихра Кашифа). Тегеран. «Интишарати 'илми ва фарханги. 1384 г.с.х. Т. 1. С. 110.

²⁹ Это, например, апостол Бруно Кверфуртский, который был убит пруссами в 1009 г., и епископ Ги Анжуйский, который был убежден в том, что без мира и спокойствия никто не узрит Господа. (Рансимен. Т. 1. С. 111–113).

³⁰ Там же. С. 111.

³¹ Там же. С. 119–120.

³² Учения, основанные на том, что «тот, кто поднимет меч, от меча и погибнет» (От Матфея, 26:52; 5:38–39; К Римлянам, 12:17–21).

³³ Этот стержневой взгляд на католическую церковь также был закреплен Августином Блаженным. «Мы должны твердо верить в христианство и следовать той церкви, которую ее противники прозвали католической». (Кюнг. С. 96.1384 г.с.х.). Кроме того, с точки зрения христиан, Римская церковь была основана Петром, лучшим апостолом Иисуса, и потому она превосходит остальные церкви.

³⁴ Кюнг, Ханс. Тарихи калисаи катулик [История католической церкви] (пер. на перс. яз. Хасана Канбари). Кум. Центр изучения религий и сект. 1384 г.с.х. С. 20.

³⁵ От Луки, 14:27; От Матфея, 10:38; 16:24.

³⁶ La Monte, John. Crusade and jihad in the Arab Heritage С. 165–166.

³⁷ Булгътман, Рудольф. Масиз ва асатир [Иисус Христос и мифология] (пер. на перс. яз. Мас'уда 'Улий). Тегеран. «Марказ». 1385 г.с.х. С. 39.

³⁸ Рансимен, Стивен. Тарихи чангхаи салиби [История Крестовых походов] (пер. на перс. яз. Мнаучихра Кашифа). Тегеран. «Интишарати 'илми ва фарханги. 1384 г.с.х. Т. 1. С. 58.

³⁹ Рансимен подробно рассказывает об эволюции идеи паломничества в христианском мире. (См.: Рансимен. Т. 1. С. 49–67).

ства не на паломничество, а на реконструкцию Кафедрального собора Таррагоны⁴⁰. Папа даже пытался уговорить Беренгера Рамона II, графа Барселоны, остаться в Испании, но это ему не удалось. Он отправился в Иерусалим в 1096 году, где вскоре умер⁴¹.

Развитие идеи паломничества, подкрепленной обещаниями отпущения грехов, стало причиной возникновения идеи о мучениях христиан от рук мусульман. По мнению некоторых исследователей, эта идея исходила в основном от тех католических проповедников, которые преувеличивали значение решений, принятых на Клермонском соборе. Майер же считал, что эта идея возникла либо из-за неосведомленности Урбана II, либо была лишь предлогом, чтобы поднять христиан против мусульман⁴². Он убежден, что нет никаких документов, сохранившихся с XI века, в которых говорилось бы об антихристианской политике фатимидского халифа ал-Хакима би-Амриллаха⁴³. Более того, в эпоху Сельджуков анатолийские христиане пользовались большой свободой и были настолько довольны их правлением, что писали оды и панегирики в честь Малик-шаха⁴⁴. Согласно более раннему документу, восточные христиане жили в исламском государстве в мире и покое. В этом письме, датированном 869 годом, Феодосий, патриарх Иерусалимский, пишет Игнатию, патриарху Константинопольскому, что «мусульмане – справедливый народ, который никак не притесняет и не угнетает нас».⁴⁵

Тысячелетнее Царство, или Конец света

Другим фактором увеличения количества паломников и тех, кто жертвовал свои средства на военную мобилизацию, была легенда о наступлении конца света в конце X века, или о Тысячелетнем Царстве. Дон Нардо пишет: «В ночь накануне 1000 года от рождества Христова в Риме собралась огромная масса людей, чтобы стать свидетелями того, что многие считали концом света. Разумеется, в полночь ничего не произошло. Но, несмотря на это, случилось нечто важное, а именно: впоследствии европейцы на подсознательном уровне стали чувствовать, что в новом столетии они будут жить в новых волнующих условиях»⁴⁶.

Развитие этой идеи в конце X века привело к тому, что многие христиане стали вести более религиозный и аскетический образ жизни, а посещение Гроба Господнего перед смертью стало обязательным ритуалом⁴⁷. Идея о Тысячелетнем Царстве, которая была вдохновлена Откровением Иоанна Богослова и которая, по словам Нормана Кона, даже привела к формированию в XI–XVI вв. движений, проповедующих в Северной Европе скорый конец света⁴⁸,

⁴⁰ Майер, Ханс Эберхард. Джангхаи салиби [Крестовые походы] (пер. на перс. яз. 'Абд ал-Хусайна Шахкара). Шираз. Ширазский университет. 1371 г.с.х. С. 35.

⁴¹ Там же. С. 38.

⁴² Майер, Ханс Эберхард. Джангхаи салиби [Крестовые походы] (пер. на перс. яз. 'Абд ал-Хусайна Шахкара). Шираз. Ширазский университет. 1371 г.с.х. С. 8.

⁴³ Там же. С. 7. Следует отметить, что на страницах 17–18 Майер отмечает некоторые решения ал-Хакима, направленные против христиан (С. 17–18).

⁴⁴ Абуль-Фатх Джалал ад-Дин Мелик-шах ибн Алп-Арслан (Малик-шах) (1055–1092) – сельджукский султан (1072–1092), сын и преемник Алп-Арслана. В правление Малик-шаха сельджукское государство пришло к точке своего наивысшего могущества.

⁴⁵ Thompson; Economic and Social History of the Middle Ages; London: 1953, vol. 1. С. 385.

⁴⁶ Нардо, Дон. Пайдаиши масихийат [Возникновение христианства] (пер. на перс. яз. Махди Хакикатхаха). Тегеран. «Как-нус». 1384 г.с.х. С. 111; Лейн, Тони. Тарихи тафаккури масихи [Христианские мыслители] (пер. на перс. яз. Роберта Асирина). Тегеран. «Фурузани руз». 1380 г.с.х. С. 144.

⁴⁷ Насим Йусуф, Джозеф. ал-Араб ва ар-Рум ва ал-Латин [Арабы, римляне и латиняне]. Бейрут. «Дар ан-нахдат ал-'арабийя». 1981 г. С. 46.

⁴⁸ Макьюэн, Иэн. Та'сири ахируззамангарайи масихи бар сийа-сат [Влияние христианской теории апокалипсиса на политику]. Журнал «Шахрванди имруз». № 57 за 1387 г.с.х. С. 39. В Новом Завете сказано: «Здесь мудрость. Имеющий ум, да сочтет число зверя; ибо оно число человеческое. И число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откровение Иоанна Богослова, 13:18). Этот стих толковали так, что ислам просуществует самое большее 666 лет. Исходя из того, что ислам возник в 622 году, это означало, что он исчезнет в 1288 году.

была поддержана Августином Блаженным. Он говорил, что в конце седьмого тысячелетия со дня создания Адама наступит конец света⁴⁹.

История Европы и католической церкви показывает, что до, во время и после Крестовых походов идея о Тысячелетнем Царстве была настолько популярна, что проповедники Парижского собора даже увещевали, что человечество находится на пороге конца света⁵⁰. Отто, епископ Фрейсингский и летописец Крестовых походов середины XII в., писал в своих анналах: «...мы, кто по воле судьбы должен жить в конце времен...».⁵¹ По словам Марка Блока, Европа настолько была напугана наступлением конца первого тысячелетия, что была вынуждена... прийти в себя⁵². Другими словами этого известного французского историка, этот страх стал одним из самых сильных социальных двигателей той эпохи⁵³.

Эта идея укрепилась на восточных берегах Средиземного моря в течение XI–XIII вв., т. е. во время длительного противостояния между христианами и мусульманами. Большей частью она была направлена на уничтожение мусульман. Но так как крестоносцы поняли, что обещание неперенной победы не исполнилось, они связали свои надежды с новой силой, появившейся на Востоке, т. е. с дикими желтокожими монголами, и решили, что два фронта против исламского мира, монгольский нехристианский восток и христианский запад, искоренят эту религию. Но, потеряв надежду и покинув пределы Леванта и Египта, они решили пойти путем Петра Достопочтенного, аббата Клуни, который он проложил в середине XII в. посредством неполного и предвзятого перевода Корана. Он говорил: «Я хочу выступить против вас, но не с оружием, как многократно выступали некоторые из нас, а словом; не силой, а умом; не с ненавистью, а с любовью. Я люблю вас! Обращаясь к вам, я призываю вас к спасению»⁵⁴.

Уильям Трипольский, доминиканец, проживавший в Акко, оказавшись под влиянием идеи о Тысячелетнем Царстве и исчезновении ислама, также считал, что мусульмане должны быть уничтожены силой слова и проповеди⁵⁵.

Столкновение цивилизаций

Этот процесс продолжился. После религиозной реформы и начала нового века в Европе группа исламоведов решила придать своим взглядам об исламе более научный характер. Но, как сказал Генри Болингброк, вернувшись из Крестовых походов, неудачливые христиане стали возводить клевету на мусульман⁵⁶. И она была принята обществом. Потому что, по словам Монтгомери Уотта, представление большинства зиждилось на следующих четырех основах. Они считали, что ислам – религия лжи, меча, сладострастия и что Мухаммад против Хри-

⁴⁹ Тахави, Абд ар-Рахман. Дирасат фи тарих ал-'усур ал-вуста [Исследования по истории средних веков]. Каир. Институт гуманитарных и социологических исследований. 2003 г. С. 279. Этот взгляд Августина Блаженного выражен в книге «О граде Божьем» (De Civitate Dei, XXII, 30). Именно поэтому в 1501 году Христофор Колумб в своем письме Фердинанду II Арагонскому и его супруге и сопровителю Изабелле Кастильской, христианским правителям Испании, просил о повторном походе крестоносцев на Иерусалим. Потому что по их подсчетам к тому времени прошло 5343 года со дня сотворения Адама до рождения Христова, а с рождения Христова прошло 1500 лет. Следовательно, это был конец седьмого тысячелетия, о котором говорил Августин Блаженный.

⁵⁰ Блок, Марк. Джамии'аи фи'удали [Феодалное общество] (пер. на перс. яз. Бихзада Баши). Тегеран. «Агах». 1363 г.с.х. Т. 1. С.155.

⁵¹ Там же, С. 154.

⁵² Там же, С. 156.

⁵³ Там же, С. 159.

⁵⁴ Майер, Ханс Эберхард. Джангхаи салиби [Крестовые походы] (пер. на перс. яз. 'Абд ал-Хусайна Шахкара). Шираз. Ширазский университет. 1371 г.с.х. С. 263.; Самими, Мишу. Мухаммад дар Урупа [Мухаммад в Европе] (пер. на перс. яз. Михра Пуйи). Тегеран. «Иттила'ат». 1382 г.с.х. С. 194.

⁵⁵ Сузерн. С. 107–108.1984; Рансимен. Т. 3. С. 406.1384 г.с.х.

⁵⁶ Самими, Мишу. Мухаммад дар Урупа [Мухаммад в Европе]. С. 314.

ста⁵⁷. И даже принятая на Втором Ватиканском Соборе (1962–1965) декларация об отношении церкви к нехристианским религиям, в которой она официально признала их потому, что Господь обращается к людям по-разному, не возымела никакого влияния.

Сегодня христианский Запад больше прислушивается к посланиям таких людей, как Бернард Льюис⁵⁸. Он считает, что Запад (Европа и США) имеет сущностное превосходство над Востоком. Потому что Запад, невзирая на различность стран и языков, представляет собой гармоничную цельность и с точки зрения культуры, религии и ценностей является единым обществом, а Азия и Африка, наоборот, различны и разобщены⁵⁹. На его взгляд, западные нации единомышленны в том, что касается фундаментальных ценностей, таких как свобода, права человека и моральный кодекс⁶⁰, а такие понятия, как империализм, расовая и половая дискриминация, не выдуманы западными людьми, хоть и введены ими. Поняв их сатанинскую сущность, они резко осудили их⁶¹. По мнению Льюиса, почти синхронное открытие Америки и завоевание Гранады, которое привело к падению режима мусульман в Андалусии, ускорило победу Запада над своими врагами, т. е. мусульманами⁶².

Когда этот известный западный востоковед и исламовед пишет о восточной цивилизации, он отделяет исламскую цивилизацию от других восточных религий и цивилизаций, таких как индуизм, буддизм и конфуцианство. Потому что индусы и китайцы не завоевывали римских территорий и не считали Священное Писание христиан искаженным, признавая христианство лишь новым явлением⁶³. Льюис считает, что распространение ислама за пределы Аравийского полуострова было тем, что в современное время принято называть колонизаторством. Он убежден, что ислам в принципе – это религия с военной окраской и что история ислама состоит из одних лишь джихадов⁶⁴. Однако нам не следует забывать, что в основу его взглядов легли исследования эпохи Крестовых походов. Поэтому, исходя из своих неправильных заключений, сделанных на основе учений исмаилитов-низаритов⁶⁵, он полагает, что каждый мусульманин считает убийство своих противников религиозной обязанностью⁶⁶.

Неверные ситуационные толкования Льюисом исламских исторических событий или неправильное понимание аятов, хадисов и терминов фикха, каждый из которых имеет особый мотив, а также непринятие им во внимание универсальности и всеохватности исламской мысли ввело в заблуждение его самого и других людей⁶⁷.

⁵⁷ *Алвири, Мухсин*. Мутали'ати ислами дар гарб [Исламские исследования на Западе]. Тегеран. «Самт». 1381 г.с.х. С. 58.

⁵⁸ Бернард Льюис, оказавший большое влияние на автора теории о столкновении цивилизаций, родился в 1916 г. в Лондоне. Окончив Лондонский университет, он работал в Министерстве иностранных дел и ряде востоковедческих институтов Великобритании. В возрасте примерно шестидесяти лет он переселился в США и получил гражданство этой страны. Автор многочисленных книг. Во второй половине XX в. он был одним из самых влиятельных западных мыслителей, определявших мнение западных элит и масс.

⁵⁹ *Льюис, Бернард*. Бархурди тамаддунха [Столкновение культур] (пер. на перс. яз. Бахмандухта Увайси). Тегеран. «Фурузани руз». 1380 г.с.х. С. 73.

⁶⁰ Там же, С. 85–88.

⁶¹ Там же, С. 90.

⁶² Там же, С. 82.

⁶³ *Льюис, Бернард*. Мушкил аз куджа агаз шуд [С чего началась проблема] (пер. на перс. яз. Шахрийара Хаджийана). Тегеран. «Ахтаран». 1384 г.с.х. С. 73.

⁶⁴ *Льюис, Бернард*. Забани сийасии ислама [Политический язык ислама] (пер. на перс. яз. Гуламризы Бихруза Лака). Кум. Бюро исламских агитаций. 1387 г.с.х. С. 143, 163–165.; *Льюис, Бернард*. Бархурди тамаддунха [Столкновение культур] (пер. на перс. яз. Бахмандухта Увайси). Тегеран. «Фурузани руз». 1380 г.с.х. С. 14.

⁶⁵ Исмаилизм – одно из основных направлений шиизма, восходящее к концу VIII в. Возникновение исмаилитов связывают с расколом в шиитском движении, произошедшем после смерти в 760 г. Джафара ас-Садика, шестого шиитского имама. Низариты – ответвление исмаилитской ветви. Выделились из среды исмаилитов в конце XI в. Учение низаритов говорит о таких вещах, как разумность, плюрализм и социальная справедливость.

⁶⁶ *Льюис, Бернард*. Хашшашин – фиркаи тундрав дар ислам [Ассасины – экстремистское течение в исламе] (пер. на перс. яз. Хасана Хакбаза). Тегеран. «Заман». 1383 г.с.х. С. 301.

⁶⁷ *Льюис, Бернард*. Хавармийана [Ближний Восток] (пер. на перс. яз. Хасана Камшада). Тегеран. «Ней». 1381 г.с.х. С. 74–

Он считает, что главная причина нынешней бедности и отсталости мусульман заключается в том, что у них не светские власти, нет свободы мысли, преобладает дискриминация по половому признаку и попираются права женщин⁶⁸. И убежден, что поэтому они должны следовать Западу. Разумеется, такое повиновение мусульман весьма маловероятно. Поэтому Льюис считает, что столкновение между мусульманами и христианами (западными) несомненно, ведь ислам и христианство, как и любая другая религия, считают только себя глобальной⁶⁹ животворящей силой⁷⁰.

И, поскольку ислам по праву считает себя последней и совершенной религией, а экономическое могущество исламского мира из-за наличия в нем огромных запасов энергоресурсов является главным беспокойством западного мира, постольку страх западного общества перед мусульманами усиливается благодаря западным христианским средствам массовой информации. А исламофобия, это новое явление, ежедневно усиливается в западном мире.

75.

⁶⁸ *Льюис, Бернард*. Хавармийана [Ближний Восток] (пер. на перс. яз. Хасана Камшада). Тегеран. «Ней». 1381 г.с.х. С. 26–27; *Льюис, Бернард*. Мушкил аз куджа агаз шуд [С чего началась проблема] (пер. на перс. яз. Шахрийара Хаджийана). Тегеран. «Ахтаран». 1384 г.с.х. С. 227 и 230.

⁶⁹ *Хантер, Ширин*. Айандаи ислам ва гарб [Будущее ислама и Запада] (пер. на перс. яз. Хамайуна Маджида). Тегеран. «Фурузани руз». 1380 г.с.х. С. 18.

⁷⁰ *Ас'ади, Муртаза*. Мутали'ати ислами дар гарби инглизизабан: аз агаз та шураи дувуми Ватикан [Исламские исследования в англоязычном Западе: с самого начала до Второго Ватиканского собора]. Тегеран. «Самт». 1381 г.с.х. / 1965 г. С. 3.

‘Али Муршидизад, Захид Гаффари Хашджин Исламофобия в Европе. Корни и причины

Термин «исламофобия» означает неразумные опасения, предубеждение и дискриминацию в отношении ислама и мусульман⁷¹. Он был введен в употребление в 1980-е гг., но стал чаще употребляться после террористических актов 11 сентября 2001 г. В 1997 г. британский центр Runnymede Trust, специализирующийся на исследованиях вопросов дискриминации и ненависти в пределах Великобритании, представил исламофобию как «страх и ненависть в отношении ислама и, следовательно, страх и ненависть в отношении всех мусульман». В заключении был сделан вывод, что этот термин указывает на дискриминацию и исключение мусульман из социальной и экономической жизни страны. Исламофобия также указывает на то, что у ислама нет никаких общих ценностей с другими культурами, что он ниже классом в сравнении с западной цивилизацией и что это не только религия, но и политическая идеология. Исходя из этого можно заявить, что исламофобия – древнее явление с конкретными культурными, социологическими, политическими и экономическими корнями, которое требует независимого исследования на уровне Европы и С1ИА, т. е. на территории своего возникновения.

Определения и представления

В январе 2001 г. на Стокгольмском международном форуме по борьбе с нетерпимостью были предприняты шаги для официального утверждения этого термина, и исламофобия наряду с ксенофобией и антисемитизмом была признана формой нетерпимости. События 11 сентября и прогрессирующий рост присутствия мусульман в западных странах разными источниками считаются главными причинами исламофобии. В мае 2002 г. Европейский центр по мониторингу проявлений расизма и ксенофобии, являющийся одним из специализированных органов Евросоюза, опубликовал доклад под названием «Краткий отчет об исламофобии в Европе после 11 сентября 2001 года», в котором подтверждался рост случаев, связанных с проявлением исламофобии в Европе после тех событий.

⁷¹ *Fredman, Snadra. Discrimination and Human Rights. Oxford University Press. p. 121.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.